

УДК 39.15.19

DOI 10.25587/SVFU.2023.47.95.006

**К. Б. Клоков**

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия  
e-mail: k.b.klokov@gmail.com

## **Прошлое и будущее оленеводства в этнокультурных ландшафтах коренных народов Арктики: анализ региональных различий**

Аннотация. В статье рассмотрены региональные различия в тенденциях развития традиционного оленеводства северных народов с позиций этнокультурного ландшафтоведения на основе анализа данных официальной статистики об изменениях поголовья оленей. Рассмотрены в исторической ретроспективе региональные политические контексты, в которых происходила эволюция этнокультурных ландшафтов традиционного оленеводства. Выявлен устойчивый, начавшийся еще в 1950-х гг. почти непрерывный рост оленеводства, локализованный в четырех административных районах, расположенных в тундрах Западной Сибири. Этот рост прекратился лишь в последние годы, когда количество оленей значительно превысило кормовую емкость пастбищ. На его территории произошло существенное изменение стереотипов хозяйственного поведения этнотерриториальной группы оленеводов. Возникнув в одном локальном ареале, оно распространилось впоследствии на прилегающие территории. Рост поголовья оленей можно объяснить тем, что в данной этнической общности значительно повысилась хозяйственная активность и инициатива оленеводов-частников. На остальной территории Арктической зоны России оленеводство в основном наследует сформировавшуюся в советский период организационную модель, при которой хозяйственная деятельность и инициатива оленеводов контролируется администрацией. Сравнение исторических условий развития оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе и на Чукотке показывает значительные различия между регионами как в региональной политике в области оленеводства, так и в традициях частного семейного оленеводства. Ключевые слова: традиционное оленеводство, этнокультурный ландшафт, региональная политика, исторический контекст, коренные народы, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотка, частное оленеводство, семейные кочевые домохозяйства, рыночные реформы.

*Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00665 «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты».*

Для цитирования: Клоков К. Б. Прошлое и будущее оленеводства в этнокультурных ландшафтах коренных народов Арктики: анализ региональных различий // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2023, № 1(31). С. 54–62.

**K. B. Klovov**

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia  
e-mail: k.b.klovov@gmail.com

## **The past and future of reindeer herding in ethno-cultural landscapes of indigenous peoples of the Arctic: regional disparity analysis**

**Abstract.** The article considers regional differences in the development trends of the traditional reindeer herding of northern peoples from the perspective of ethno-cultural landscape science based on the analysis of official statistics on changes in the number of reindeer. The regional political contexts in which the evolution of ethno-cultural landscapes of traditional reindeer herding took place are examined in a historical retrospect. The steady, almost continuous growth of reindeer husbandry, localized in four administrative districts located in the tundras of Western Siberia, which began as early as the 1950s, is revealed. This growth stopped in recent years, when the number of deer exceeded the feeding capacity of pastures. In its territory there was a significant change in the stereotypes of economic behavior of the ethno-territorial group of reindeer herders. Having originated in one local area, it subsequently spread to adjacent territories. The growth of the reindeer population is explained by the fact that in this ethnic community the economic activity and initiative of private reindeer herders have significantly increased. In the rest of the Arctic zone of Russia, reindeer herding mainly inherits the organizational model formed during the Soviet period, in which the economic activity and initiative of reindeer herders is controlled by the administration. A comparison of historical conditions of reindeer husbandry development in the Yamal-Nenets Autonomous region and Chukotka shows considerable differences between the regions both in regional policy on reindeer husbandry and in the traditions of private family reindeer husbandry. **Keywords:** traditional reindeer husbandry, ethno-cultural landscape, regional policy, historical context, indigenous people, Yamal-Nenets Autonomous region, Chukotka, private reindeer husbandry, nomadic family households, market reforms.

*Gratitude.* The study was supported by the RNS, project № 22-28-00665 «Reindeer husbandry peoples' ethno-cultural landscapes in Russia: structure and spatial contexts».

For citation: Klovov K. B. The past and future of reindeer herding in ethno-cultural landscapes of indigenous peoples of the Arctic: regional disparity analysis // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2023, No. 1(31). P. 54–62. (In Russ.)

### **Введение**

Этнокультурное ландшафтоведение – активно разрабатываемое научное направление на стыке этнологии и гуманитарной географии. Его методология характеризуется междисциплинарностью. Ландшафт занимает конкретную территорию, человек преобразует его природу, наполняя его ценностями и смыслами. При этом этнокультурные контексты оказываются тесно связанными с этнополитическими. Как отмечает Р. Ф. Туровский [9], любой политический процесс имеет пространственное измерение,

а географические объекты в их многообразии выступают в качестве участников этого процесса – элементов пространственных политических систем. Эволюция этнокультурных ландшафтов Российской Арктики в XX–XXI вв. связана, с одной стороны, с региональной политикой субъектов РФ, с другой – с особенностями культуры и этническими стереотипами коренных народов. В советское время на всей территории Российской Арктики направленность социокультурных процессов определялась политикой федерального центра. Однако после рыночных реформ пути эволюции этнокультурных ландшафтов резко дифференцировались. По словам А. В. Головнева [2], «падение советского режима вызвало кризис социально-политической среды, к которой десятилетиями приспосабливались коренные жители... В обстановке кризиса решающую роль сыграли те неприметные прежде особенности, которые одним позволили преодолеть социальную стихию, других привели на грань катастрофы».

В предыдущих публикациях [4] автор уже интерпретировал разнонаправленность эволюции различных типов традиционного оленеводства в постсоветское время, исходя из представлений Л. Н. Гумилева [3] о взаимодействии этнических полей. Задачей этого исследования, выполненного при поддержке РНФ (проект № 22-28-00665), было проинтерпретировать происходящие в последние десятилетия переходные процессы в этнокультурных ландшафтах традиционного оленеводства путем анализа данных государственной статистики об изменении поголовья домашних оленей в двух регионах Арктической зоны России (АЗРФ). Основным методом исследования был сравнительный анализ статистических данных о поголовье домашних северных оленей в общественном и частном секторах хозяйства, систематизированный по административным (муниципальным) районам АЗРФ за несколько последних десятилетий. Были использованы данные, размещенные на сайтах Росстата [1, 8], а также сведения, собранные автором в ходе поездок по северным регионам страны в 1990–2020 гг.

### **Региональные различия в эволюции оленеводства**

Некоторые закономерности изменения поголовья домашних оленей в различных районах АЗРФ уже были изложены автором в публикациях [5, 14, 15 и др.]. В ходе более детального анализа динамики поголовья оленей были получены еще два основных вывода.

Во-первых, региональные различия в трендах поголовья домашних оленей не удается полностью объяснить совокупностью внешних факторов. Эти тренды определенно зависят от конкретных сообществ коренного населения, занятых в оленеводстве. Разные этносы с различными стереотипами хозяйственного поведения по-разному реагируют на изменение внешней (региональной) среды, в результате чего у одних этнокультурных групп оленеводство развивается и поголовье оленей растет, а у других, наоборот, деградирует.

Во-вторых, был выявлен интересный факт [5, 15]: на фоне общей тенденции к сокращению или стагнации оленеводства почти на всей территории АЗРФ устойчивый рост поголовья оленей наблюдался только в одном локальном ареале, расположенном в тундрах Западной Сибири (табл. 1). Раньше всего этот рост начался в Ямальском и Тазовском районах Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). В 1951 г. в обоих районах вместе было 128,2 тыс. оленей; за неполные 70 лет их поголовье увеличилось

более чем в 5 раз – до 682,3 тыс. (2018 г.). Восточнее, на территории левобережья Енисея, которая входит в состав Таймырского муниципального района Красноярского края, поголовье стало расти с начала 2000-х гг. За 20 лет (1999–2019 гг.) оно увеличилось четырехкратно – с 33,7 тыс. до 121,2 тыс. Западнее, в Приуральском районе ЯНАО, рост поголовья начался с 2006 г., за 13 лет число оленей выросло с 39,8 тыс. до 174,7 тыс. (более чем четырехкратно).

Таким образом, область, в которой происходил рост числа оленей, за 20 лет постепенно расширялась. В последние годы рост прекратился, т. к. количество оленей сильно превысило кормовую продуктивность пастбищ. В настоящее время в пределах этого ареала, территория которого равна 10 % от площади АЗРФ, сосредоточена половина всех домашних оленей России.

Таблица 1

Table 1

**Тенденции изменения числа северных оленей в тундровых районах Западной Сибири**  
**Trends in the number of reindeer in the tundra regions of Western Siberia**

| Муниципальные районы            | Поголовье оленей на 1 января, тыс. гол. |       |       |       |       |       |       |       |       |
|---------------------------------|-----------------------------------------|-------|-------|-------|-------|-------|-------|-------|-------|
|                                 | 1991                                    | 1996  | 2001  | 2006  | 2011  | 2016  | 2018  | 2020  | 2021  |
| Приуральский                    | 55,4                                    | 57,5  | 32,7  | 39,8  | 102,3 | 165,4 | 172,9 | 145,0 | 135,4 |
| Тазовский                       | 130,9                                   | 142,5 | 165,4 | 213,8 | 210,9 | 319,1 | 327,4 | 272,2 | 248,9 |
| Ямальский                       | 175,3                                   | 186,9 | 205,8 | 191,2 | 301,6 | 291,3 | 354,9 | 356,9 | 322,9 |
| Таймырский (левобережье Енисея) | 44,5                                    | 19,6  | 19,9  | 34,2  | 47,0  | 104,0 | 117,5 | 121,0 | 117,8 |
| Всего                           | 406,1                                   | 406,5 | 423,8 | 479   | 661,8 | 879,8 | 972,7 | 895,1 | 825,0 |

Источники: [1, 8]

Рассмотрим региональные политические контексты, в которых происходит «диверсификация» эволюции этнокультурных ландшафтов АЗРФ. Динамика поголовья оленей в России определяется на федеральном уровне главным образом влиянием политических и макроэкономических факторов [5, 13, 14]. Наиболее важными политическими событиями, оказавшими негативное влияние на оленеводство, были коллективизация в 1930-е и рыночные реформы в 1990-е гг. [5, 14, 15]. В промежутке между этими событиями оленеводство было устойчивым. Его развитие определялось государством, хозяйственная политика которого была направлена, во-первых, на повсеместное наращивание поголовья оленей, даже в районах с неблагоприятными для этого условиями. Во-вторых, на ограничение поголовья в частном секторе, т. е. семейных хозяйствах оленеводов. В-третьих, на «выравнивание условий хозяйствования»,

т. е. на поддержку колхозов и совхозов, которые находились в худшем положении. Такая политика вела к нивелировке влияния на оленеводство региональных и местных факторов. Поэтому вполне закономерно, что после разрушения социализма на фоне общего хозяйственного кризиса поголовье оленей сильнее всего сократилось в районах с плохими условиями для оленеводства, т. е. там, где оно поддерживалось искусственно за счет государства. Одновременно возросла роль регионально-исторического контекста, который определяет соответствует или нет региональная политика властей этническим стереотипам и традициям оленеводов.

Сравним с этой точки зрения ЯНАО с Чукотским автономным округом, который был регионом-лидером по оленеводству в советский период. После рыночных реформ ЯНАО получил новый импульс развития за счет газодобывающей промышленности. Чукотка же, напротив, попала в глубокую депрессию, которая охватила всю экономику региона. Тут в годы советской власти сложился властный авторитарный стиль руководства, который распространялся и на отношения властей с оленеводами, здесь не было места для независимых хозяев, которые могли бы самостоятельно управлять своими стадами. По мнению Л. Н. Хаховской [11, с. 115–116], в 1930-е гг., до начала коллективизации, чукотское оленеводство было возможно только благодаря наличию двух социальных полюсов: зажиточных оленеводов, у которых было много оленей, и бедных пастухов, у которых оленей было мало или совсем не было и которым приходилось наниматься к богатым. Эта связь в чукотском оленеводстве была настолько сильной, что советской власти пришлось потратить более двух десятилетий, чтобы ее уничтожить. Только к 1955 г. на Чукотке больше не осталось независимых (не вступивших в колхозы) оленеводов. Однако борьба с частным сектором на этом не прекратилась: в 1950-х гг. руководство колхозов активно увеличивало колхозные стада за счет личных оленей членов колхозов. После реорганизации колхозов в совхозы местные власти пытались заставить оленеводов изменить традиционные способы выпаса оленей и увеличить совхозное поголовье. Оленеводы сопротивлялись этому, нарушая трудовую дисциплину и отстаивая традиционные способы выпаса или уходя из оленеводства. Однако советская власть, руководствуясь хорошо известным на Чукотке принципом «сделай или умри!», все же победила. Многолетние усилия привели к созданию хорошо отлаженной модели хозяйства, которая почти идеально работала, когда государство выделяло значительные средства для ее поддержки.

Распад советской системы дезорганизовал экономику Чукотки. Приватизация – как проект – в чукотском оленеводстве провалилась. Люди в селах стали голодать, большую часть оленей забили и съели. Только в 2000 г., когда Роман Абрамович стал губернатором Чукотки, муниципальные оленеводческие предприятия стали получать средства из бюджета региона, убой оленей был запрещен, и поголовье начало восстанавливаться. Однако в 2010-х гг. после возобновления убоя оно снова начало уменьшаться.

В ЯНАО власти вели по отношению к оленеводству иную политику, а стратегии адаптации ненцев оказались более гибкими, чем чукчей. Здесь во время коллективизации многим владевшим оленями кочевым семьям удалось приспособиться и сохранить свои стада. В 1939 г. была установлена норма личных оленей, которых

позволялось держать в одном домохозяйстве [10, с. 18]. В ответ на это оленеводы стали «расписывать» свои стада по семьям родственников, которые жили в поселках и оленей не пасли.

Наряду с коллективизацией в регионе были введены налогообложение и государственные закупки оленины за наличные деньги. Это способствовало развитию товарно-денежных отношений в оленеводстве, которых здесь раньше не было. Колхозникам разрешили покупать оленей у колхозов для личного пользования, им даже выдавали для этого долгосрочные кредиты [10, с. 18]. Таким образом, даже в рамках ограничений, наложенных советской идеологией, в оленеводстве ЯНАО развивались процессы коммерциализации. В совхозах владельцев больших личных стад зачисляли на должность охотников-промысловиков. В отличие от оленеводческих бригад, их кочевые маршруты не контролировались. Чтобы скрыть реальный размер стада, они «расписывали» своих оленей по родственникам. Образно говоря, они получали свободу в обмен на пушнину. С началом промышленного освоения и технических инноваций кочевые домохозяйства стали больше зависеть от покупки товаров, и им стало требоваться больше наличных денег. Рост расходов также стимулировал увеличение поголовья оленей.

Отношения собственности в оленеводстве ЯНАО связаны не только с политической властью, но и с ценностями традиционной культуры. В отличие от других оленеводческих этносов, тундровые ненцы живут чтобы разводить оленей, а не разводят их, чтобы жить [12]. Для них социальный статус и благополучие определяется количеством оленей, а не количеством денег, поэтому статус кочевников выше, чем оседлых рыбаков [7, с. 92]. Развитие рынка ведет к росту стоимости оленя, который теперь стал не только средством передвижения, одеждой и домом, но и доходом, «банковским депозитом», пенсионными накоплениями и своеобразной валютой, не подверженной обесцениванию [10, с. 24]. Кочевые семьи вовлечены в рынок на уровне мелкой торговли: они продают мясо и рыбу строителям и вахтовикам, которые занимаются добычей газа в тундре. Многие кочевники купили себе квартиры в поселках и выезжают для отдыха в Турцию [7, с. 93].

Семейные кочевые домохозяйства не подчиняются никаким государственным органам. В тундрах Западной Сибири их несколько тысяч. В других регионах России их мало. Государство боролось с такими хозяйствами со времен коллективизации в 1930-е гг. В результате они были либо полностью уничтожены, как на Чукотке, либо вытеснены в сферу неформального бизнеса, не обремененного какими-либо бюрократическими формальностями, будь то статистическая или налоговая отчетность, банковский контроль и т. п.

### **Заключение**

Таким образом, устойчивый рост частного оленеводства в локальном ареале, расположенном в тундрах Западной Сибири, был связан с формированием здесь специфической системы оленеводства, в которой основная часть стада находится в собственности независимых от государства семейных хозяйств. Эта система образовалась еще в советское время, интегрировав в себе, с одной стороны, традиционные ценности ненецкой культуры – в первую очередь, характерное для нее представление о том,

что размер стада оленей является основной мерой богатства и социального статуса, а с другой – стихийно сформировавшиеся в этом регионе рыночные хозяйственные механизмы. Она обладает способностью активно сопротивляться административному давлению сверху. Отметим здесь, что на остальной территории АЗРФ традиционное оленеводство в основном наследует сформировавшуюся в советский период совхозную организационную модель, в которой основное стадо оленей находится в общественной собственности, а хозяйственная деятельность и инициатива оленеводов контролируются администрацией.

Существенно, что рассмотренный выше процесс роста частного оленеводства на западносибирском Севере не прекращался и даже не замедлился и в период обвального сокращения поголовья домашних оленей, захватившего практически весь Север РФ в годы рыночных реформ. Он устойчиво продолжался и после реформ, когда в других районах АЗРФ наблюдались неустойчивый рост, а затем стагнация, колебания и рецессия. Прекратился он лишь когда емкость кормящего ландшафта была полностью заполнена. Важно отметить, что в ненецком оленеводстве в более южных районах ЯНАО, а также в тундрах к западу от Урала подобного роста не было. Отметим также, что очаг роста оленеводства располагается в ареале ненцев, которые резко выделяются среди остальных коренных малочисленных народов Севера самыми высокими темпами естественного прироста и суммарной рождаемости [6]. Здесь имело место существенное изменение стереотипов хозяйственного поведения этнотерриториальной группы коренного населения, которое, возникнув в одном районе, распространилось впоследствии на прилегающие территории. Изменение выразилось в значительном повышении хозяйственной активности и инициативы локальной этнической общности и привело к качественному изменению системы хозяйства и количественному росту поголовья оленей. Отметим также, что локальная группа, в которой начался рост хозяйственной активности, не была моноэтнической и включала, кроме ненецких, значительную долю коми-ижемских и хантыйских кочевых хозяйств. Описанная выше траектория быстрого хозяйственного роста оленеводства в одном компактном ареале пока представляет собой уникальный случай в Российской Арктике. Он, несомненно, заслуживает дальнейшего изучения с точки зрения выяснения перспектив развития оленеводства как в ЯНАО, так и в других арктических регионах.

### **Литература**

1. База данных Росстата по муниципальным районам. – URL: <https://www.gks.ru/databases>
2. Головнев, А. В. Народы и границы на севере Евразии. Этнографическое бюро / А. В. Головнев, 2013. – URL: [http://rfaf.ru/rus/library/202\\_b340\\_view\\_p2](http://rfaf.ru/rus/library/202_b340_view_p2) (дата обращения: 28.03.2022).
3. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – 3-е издание. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
4. Клоков, К. Б. Взаимодействие этнических полей в географическом пространстве российского Севера: к развитию идей Л. Н. Гумилева об этническом поле / К. Б. Кло-



- ков // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 7. Геология. География. – 2012, специальный выпуск. – С. 40–50.
5. Клоков, К. Б. Разнонаправленность трендов в традиционном оленеводстве народов Сибири и Арктики / К. Б. Клоков // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений ; ответственный редактор В. Н. Давыдов ; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Москва : Издательство восточной литературы, 2020. – С. 49–86.
6. Клоков, К. Б. Динамика демографического воспроизводства популяций коренных малочисленных народов Севера России и ее региональные особенности / К. Б. Клоков, С. А. Хрущёв // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 39–51.
7. Мартынова, Е. П. Ямальские ненцы и индустриальное развитие: новации в оленеводстве и рыболовстве / Е. П. Мартынова // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 90–97.
8. Статистические сборники Росстата. – URL: <https://www.gks.ru/compendium>
9. Туровский, Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа / Р. Ф. Туровский // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – 1995. – № 3. – С. 33–44.
10. Филант, К. Г. Особенности правового регулирования северного оленеводства / К. Г. Филант // Научный вестник ЯНАО. – 2017. – № 4 (97). – С. 17–27.
11. Хаховская, Л. Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) / Л. Н. Хаховская // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 112–127.
12. Яптик, Е. С. Качество жизни по-ненецки (взгляд изнутри культуры) / Е. С. Яптик // Bulletin of Ugric Studies. – 2019. – Vol. 9. – № 1.
13. Antonov, E. V. Multiscale analysis of the dynamics in reindeer herding in Arctic Regions: Geographical shifts and intraregional and local differences / E. V. Antonov, T. V. Litvinenko, V. N. Nuvano // Regional Research of Russia. – 2019. – V. 9. – № 1. – pp. 53–65.
14. Klovov, K. B. Changes in reindeer population numbers in Russia: an effect of the political context or of climate? / K. B. Klovov // Rangifer. – 2012. – Vol. 32. – № 1. – pp. 19–33.
15. Klovov, K. B. Diversity of regional trends in traditional reindeer husbandry in the Russian Arctic / K. B. Klovov // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2020. 539, 012180

## References

1. Database of Rosstat on municipal districts. – URL: <https://www.gks.ru/databases> (In Russ.)
2. Golovnev, A. V. Peoples and borders in the north of Eurasia. Ethnographic Bureau / A. V. Golovnev, 2013. – URL: [http://rfaf.ru/rus/library/202\\_b340\\_view\\_p2](http://rfaf.ru/rus/library/202_b340_view_p2) (date of access: 28.03.2022). (In Russ.)
3. Gumilyov, L. N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth / L. N. Gumilyov. – 3rd edition. – Leningrad : Gidrometeoizdat, 1990. – 526 p. (In Russ.)
4. Klovov, K. B. Interaction of ethnic fields in the geographic space of the Russian North: To the development of L. N. Gumilyov's ideas about the ethnic field / K. B. Klovov // Bulletin



- of St. Petersburg University. – Series 7. Geology. Geography. – 2012, special issue. – pp. 40–50. (In Russ.)
5. Klovov, K. B. Different trends in the traditional reindeer herding of the peoples of Siberia and the Arctic / K. B. Klovov // *Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic changes* ; executive editor V.N. Davydov ; Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS. – Moscow : Oriental Literature Publishing House, 2020. – pp. 49–86. (In Russ.)
6. Klovov, K. B. Dynamics of demographic reproduction of populations of indigenous peoples of the North of Russia and its regional features / K. B. Klovov, S. A. Khrushchev // *Regional studies*. – 2008. – No. 5. – pp. 39–51. (In Russ.)
7. Martynova, E. P. Yamal Nenets and industrial development: innovations in reindeer breeding and fishing / E. P. Martynova // *Ural Historical Bulletin*. – 2015. – No. 2 (47). – pp. 90–97. (In Russ.)
8. Statistical collections of Rosstat. – URL: <https://www.gks.ru/compendium> (In Russ.)
9. Turovsky, R. F. Political landscape as a category of political analysis / R. F. Turovsky // *Moscow University Bulletin*. – Series 12. Political sciences. – 1995. – No. 3. – pp. 33–44. (In Russ.)
10. Filant, K. G. Peculiarities of legal regulation of northern reindeer husbandry / K. G. Filant // *Scientific Bulletin of YaNAO*. – 2017. – No. 4 (97). – pp. 17–27. (In Russ.)
11. Khakhovskaya, L. N. Soviet modernization of reindeer husbandry in remote northern regions (on the example of the Anadyr region of Chukotka) / L. N. Khakhovskaya // *Ethnographic review*. – 2011. – No. 6. – pp. 112–127. (In Russ.)
12. Yaptik, E. S. The quality of life in the Nenets style (a view from inside the culture) / E. S. Yaptik // *Bulletin of Ugric Studies*. – 2019. – Vol. 9. – No. 1. (In Russ.)
13. Antonov, E. V. Multiscale analysis of the dynamics in reindeer herding in Arctic Regions: Geographical shifts and intraregional and local differences / E. V. Antonov, T. V. Litvinenko, V. N. Nuvano // *Regional Research of Russia*. – 2019. – V. 9. – No. 1. – pp. 53–65.
14. Klovov, K. B. Changes in reindeer population numbers in Russia: an effect of the political context or of climate? / K. B. Klovov // *Rangifer*. – 2012. – Vol. 32. – No. 1. – pp. 19–33.
15. Klovov, K. B. Diversity of regional trends in traditional reindeer husbandry in the Russian Arctic / K. B. Klovov // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. – 2020. 539, 012180

#### Сведения об авторе

*КЛОКОВ Константин Борисович* – д. г. н., проф. каф. региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета.  
E-mail: [k.b.klovov@gmail.com](mailto:k.b.klovov@gmail.com)

*KLOKOV, Konstantin Borisovich* – Doctor of Geographical Sciences, Professor of Regional Policy and Political Geography, St. Petersburg State University